

Сергей Глянцев:

«Надо уметь вычёркивать лишнее ради того, чтобы оставалось важное».

Творческий вечер
в Архангельской
областной научной
библиотеки имени
Н.А. Добролюбова.
10 октября
2014 года.

Сергей Павлович Глянцев, врач-хирург, историк медицины и хирургии, доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом истории сердечно-сосудистой хирургии ФГБНУ «Научный центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева» ФАНО, заместитель председателя Российского общества историков медицины, член Совета по истории медицины при Минздраве России, лауреат премий А.Н. Бакулева (Москва, 2004) и М.В. Ломоносова (Архангельск, 2012).

фото: нина пигарева

Об истории: История человечества, по моему убеждению, делится на две части – «до Христа» и «после». История «до» – это история богов, героев, вождей и народов, если хотите – толп, которые они вели за собой. История «после» – это история простого человека, начавшаяся с истории сына плотника. Обращение к «человеку в истории» началось с возникновения Христианства – всё остальное укладывается в эти рамки. По большому счёту, если историк сегодня не обращает внимание на конкретных «людей в истории», он – в прямом и переносном смысле – находится в «дохристианском» периоде своего развития.

О себе: Родился в Архангельске, в Соломбале, в 1954 году. Моя мама, **Евстолия Фёдоровна**, урождённая **Пустошная**, была учительницей, папа, **Павел Петрович Глянцев**, – военным моряком. После школы поступил в Архангельский медицинский институт (до сих пор мне трудно привыкнуть к названию «университет»). После института работал «на комсомоле», затем хирургом в больнице имени Семашко. Позже, на кафедре общей хирургии АГМИ, стал ассистентом и кандидатом наук, а в 1989 году уехал учиться и работать в Москву, в Институт хирургии имени А.В. Вишневского, где защитил докторскую диссертацию. В 1997 году перешёл в Научный центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева, где служу до сих пор. И пишу книги. Большие и маленькие, толстые и тонкие. Разные. Но все они – о людях в истории. Как и эта пародия. На себя, любимого:

*С недавних пор, позавтракавши плотно,
Вкусивши славословия огня,
Я влёт пишу огромные полотна,
Что, вроде, удаются у меня.*

*Но, убаюкан сладостным напевом,
Собою очарован на бегу,
Я растекаюсь мыслью по древу
И вновь остановиться не могу.*

*Вот, вроде бы, пора поставить точку...
Но время продолжается моё,
И я, одну дописывая строчку,
Уже вторую вижу сквозь неё.*

*Когда ж конец? Себя я ненавижу:
Прикован к стулу, как к галере – раб,
В конце одной главы другую вижу,
Казню себя, и сам себе не рад...*

*Но, слава Богу, вот она – концовка!
Не может быть! Не верю, что живой!
Но диктор объявляет остановку,
А поезд мчит и мчит по кольцевой.*

О возрасте: Недавно мне исполнилось 60 лет. Когда 60-летнего **Михаила Михайловича Жванецкого** спросили, что такое для него его возраст, он ответил примерно так: «Мои 60 лет – это испуг в глазах молодых женщин, когда они спрашивают меня о возрасте, а во всём остальном – всё то же самое». Полностью с ним согласен.

О стихах: «Стихи начал писать рано, толчки давала бабка», – писал о себе **Сергей Александрович Есенин**. Мне аналогичный толчок дала выдающийся учитель литературы Соломбальской средней школы № 49, учитель с большой буквы «У» **Валентина Петровна Селиванова**, которая поощряла мои ранние опыты своим непротивлением. В конце концов я «обнаглел» до того, что школьное выпускное сочинение написал в стихах, а потом в стихах написал вступительное сочинение в институт. Естественно, подражая Есенину.

См. стр. 36

О прозе: К прозе пришёл на третьем курсе института, когда стал писать «истории болезней». На этот раз толчок дал доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и тоже – выдающийся педагог – **Станислав Борисович Миннаев**, распределив нам для курации лечившихся в клинике больных людей, героев наших будущих рассказов, очерков, драм и трагедий. Но свою первую «историю болезни» я написал на двойку. Но не по терапии, а по литературе: Станислав Борисович учил, ссылаясь на **Антон Павловича Чехова**: «Искусство писать есть искусство вычёркивать». С тех пор пытаюсь следовать этому нехитрому, но труднейшему правилу...

Став ассистентом кафедры общей хирургии АГМИ, сам стал проверять «истории болезней» студентов и выписывать из них всякие «паранаучные» и вовсе ненаучные перлы, которые позднее опубликовал в журнале «Врач». Вот некоторые из них. Из «анамнеза жизни»: «Родился в рабочей семье и пошёл в школу...», «В детстве ничем не болел, кроме скарлатины, ветрянки, коклюша и туберкулеза...»; Из «анамнеза болезни»: «Вышел на крыльцо, опёрся на перила, которых там не оказалось. Упал, услышал хруст костей...»; Из «осмотра»: «Живот треугольной формы с основанием, обращённым книзу...»; Из «анализов»: «Яйцеглист не обнаружен...»; Из «диагноза»: «У больного рожа, но не на лице, а на ноге...»; Из «протокола операции»: «Грыжевые ворота сняты и поставлены на место»...

О литературном ремесле: Литературой как ремеслом, за которое получаешь какие-то деньги (первым зарабатывать стихами стал **Александр Сергеевич Пушкин**), занялся в докторантуре – подтолкнула нужда, нужно было зарабатывать на жизнь. Издательство «Крон-Пресс» пригласило меня переводить и редактировать научно-популярные книжки американского происхождения. Так на прилавках книжных магазинов стран СНГ (однажды купил свою книжку в Риге) появились «Давление крови», «Инсульт», «Ваше сердце», «Гомоцистеин – новый холестерол» и некоторые другие. Работа над ними стала для меня хорошей «школой вычёркивания».

О своих учителях: Одну из этих книг («Ваше сердце») я подарил выдающемуся историку и краеведу Севера, профессору истории АГМИ **Геннадию Степановичу Щурову**, который предложил мне написать предисловие к его книге о **Николае Прокопьевиче Бычихине**, профессоре хирургии, многолетнем ректоре АГМИ. Николай Прокопьевич был моим первым Учителем, кто ввёл меня в медицинскую науку, и я очень многим ему обязан. Высокоорганизованный врач и блестящий учёный, интеллигент-шестидесятник, он был из тех, кто формировал лицо нашей страны в конце 20 века. Не знаю, как бы он воспринял те изменения, что произошли в стране сейчас, но уверен: при любых потрясениях он остался бы тем же порядочнейшим человеком, бесребренником, который всего себя отдавал работе, больным, своим ученикам, кафедре. К сожалению, я уже пережил своего шефа: Николай Прокопьевич умер, не дожив до 60 лет...

Моим вторым Учителем был выдающийся учёный, основатель клинической хирургии на Европейском Севере нашей страны, Заслуженный деятель науки, профессор **Георгий Андреевич Орлов**. Именно он научил меня воспринимать профессию врача, как основную часть жизни. К 90-летию Г.А. Орлова мы с его учениками и моими коллегами издали книгу «ОРЛОВ: СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ». Книга быстро разошлась, поэтому в 2010 году была переиздана. Её первый вариант создавался и издавался сложно. И вряд ли она увидела бы свет, если бы мне не помогли друзья. Хочу сказать «большое спасибо», во-первых, Заслуженному художнику Российской Федерации **Дмитрию Трубину**, без помощи которого не получился бы макет книги, издателю **Максиму Иванову**, который взял на себя все риски и сделал книгу быстро и качественно, и предпринимателю **Владимиру Крупчаку**, который поддержал этот проект материально.

Небольшая глава в этой книге посвящена **Надежде Ивановне Батыгиной**, ещё одному моему Учителю. Таких врачей, которые в буквальном смысле этого слова *выживали больных*, я больше не встречал. Я видел её выздоровевших пациентов, которые становились перед ней на колени и целовали ей руки. Она была потрясающим деонтологом! К тому же Надежда Ивановна частично ввела меня в большую литературу. Она сама писала много статей в газету «Медик Севера» и очень критично относилась к своим, а затем и моим текстам, безжалостно, «по Чехову», вычёркивая из них всё лишнее.

Наконец, моим Учителем по ремеслу, по хирургии как рукоделию, стал Заслуженный врач России **Лев Александрович Смольников**. Он не защитил докторскую диссертацию, и печатных работ у него не так много. Но столько больных, сколько за всю свою долгую творческую жизнь в хирургии оперировал он, я думаю, мало кто оперировал не только на Севере, но и в России. Один из патриархов хирургии Севера, который и ныне здравствует. О нём написана книжка «ЛЕВ СМОЛЬНИКОВ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ХИРУРГИИ».

Отец медицины, Гиппократ, говорил: «Почитай своих учителей как родителей...». Второе издание книги об Орлове стало первым в серии книг о заслуженных профессорах АГМИ. Следом вышли книги о кардиологе **Татьяне Николаевне Ивановой**, о хирурге **Сергее Ивановиче Елизаровском**, о педиатре **Марии Владимировне Пиккель**. Но если книги об Орлове и Ивановой мы делали вместе с **Анной Владимировной Андреевой**, то остальные она делала уже без меня, по проторённой дорожке. Низкий ей за это поклон.

О четвёртой профессии: Так получилось, что следом за профессией врача-хирурга и преподавателя высшей школы (а в ССО ещё и плотника-бетонщика), я получил профессию судового врача. В больнице имени Н.А. Семашко, где располагалась наша кафедра, был судовой отдел, и когда судовые врачи уходили в отпуск, мы их подменяли. На месяц, на

два, на три. Ходили вокруг всей Европы. Зачем? Да за чем угодно, только вряд ли за романтикой. Потому что, как говорил мой друг, второй помощник капитана **Коля Ерёгин**, «Кто видел море, и не раз, не на конфетных фантиках, кого штивало* так, как нас – тому не до романтики...». Моё стихотворение тех лет – подтверждение этим словам (*справа*).

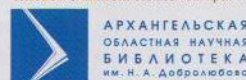
Возможно, когда-нибудь я опубликую «ЗАПИСКИ СУДОВОГО ВРАЧА», но для этого надо быть, по крайней мере, **Виктором Конечким**, прозу которого знает любой моряк. Каждому, кто приходит на судно в первый раз, вручают одну из его книг: «Вот прочти сначала, а потом уже будешь моряком...». Кстати, рекомендую... Особенно тот рассказ, в котором жена посылает мужа на стоящее в загранпорту судно телеграмму: «Милый, купи мне лифчик, а если забудешь размер, спроси у второго механика!». После его публичного прочтения наше судно сотрясилось как от слеминга**...

Об Институте имени Вишневого: Но вернёмся на сушу. В 1989 году уехал в Москву и занялся докторской диссертацией. Человек, который поверил в меня и принял в докторантуру, был директор Института хирургии им. А.В. Вишневого АМН СССР, выдающийся хирург и педагог, академик **Михаил Ильич Кузин**, о котором позже мы вместе с **Лео Антоновичем Бокерия** написали книжку «ПОЧЁТНЫЙ ДОКТОР ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ МИХАИЛ КУЗИН» – она вышла в Питере в канун его 90-летия. Это важно – дарить книги их героям при жизни.

Учась и работая в Институте хирургии, я познакомился с поэтом **Владимиром Вишневым**. Под влиянием «вишенок» Вишневого – *одностиший*, и «гариков» Игоря Губермана – *четверостиший*, – я стал сочинять *двустышия*, которые назвал «сержиками». Некоторые из них когда-то напечатал «Московский комсомолец».

Моя карьера сержикотворца прервалась на самом пике. Звонит мне как-то Вишневский и говорит: «Старик, есть возможность опубликовать твои «сержики» в Питере, высылай!». Я «раскатал губу» и выслал. Штук 30. Прошёл месяц. Вишневский присылает мне какую-то «жёлтую» питерскую газету, в которой внутри, в маленьком прямоугольнике я вижу свои нетленные строки: «Сейчас в медицине без нала не сдать и анализы кала». И подпись: «С.Глянцев». С тех пор «сержики» не публикую...
См. стр. 38.

ЧЕЛОВЕК С КНИГОЙ: совместный проект:



Magazine
www.aonb.ru/books/magazine.html

Морская романтика

*Четвёртый день валяет ванькой-встанькой,
В каюте не сидится одному,
И я спускаюсь вниз, туда, где банька –
Отдохновеень телу и уму.*

*Кисейный купол неба, словно саван,
Солёный запах моря там и тут.
Четыре переборки – наша гавань,
Четыре части света – наш маршрут.*

*Здесь, слышал я, романтики до чёрта,
Здесь чайки, словно планеры, парят,
И люди здесь особенного сорта,
И много «загребают», говорят.*

*По день за днём одни и те же лица,
Неделями качает и не спит,ся,
И в отдых ничего не мастерится,
Течёт из крана розовая вода,*

*Которой ни помыться, ни побриться.
И даже на стоянках не забыть,ся,
И на *** посылаешь за границу,
Или куда подальше иногда.*

*Натянуты промасленные тросы,
Волной не раскидает караван.
И внешне неулыбчивы матросы,
И глухо матерится капитан.*

*У штурма с чувством юмора не густо,
И с ветром анекдотом не с руки.
Не потому ль с особым искусством
Во все века травли моряки?*

*Суровы океанские просторы,
Но после вахты каждый трёпом слаб.
И снова – разговоры, разговоры,
Про море, баб, про дом и вновь – про баб.*

*Морская жизнь трудна, но это – свято...
(мы сами, между прочим говоря,
в распространении слухов виноваты,
рассказывая байки про моря).*

*Но вроде бы закончена работа,
И радиосигналы без помех,
И, ритуально подливая что-то,
Заваривает венки стармех.*

*И пусть наш теплоход как ванька-встанька,
За эту жизнь себя ты не казни,
Ведь, чёрт возьми, сегодня снова – банька,
И всё не так уж грустно, чёрт возьми!*

С. Глянцев

* Штивало (арго) – качало.

** Сотрясение судна от удара о воду при продольной качке.

О хирургии: Так случилось, что в конце 90-х годов я оставил практическую хирургию и занялся хирургией теоретической. Итогом хирургической половины моей жизни стала выпущенная издательством «Медицина» в 2002 году книга «РАНА. ПОВЯЗКА. БОЛЬНОИ», которая, к моему удивлению, стала настольной книгой российских пластических хирургов и даже получила золотую медаль Всемирной Ассоциации по лечению ран. Но цитировать её не буду. Это не очень интересно...

Гораздо интереснее история хирургии, которой посвящено несколько моих книг. Одна из них – «СКОРБНЫЙ ПУТЬ ГЕНЕРАЛА БАГРАТИОНА»: о последних днях жизни и о причинах смерти генерала от инфантерии, третьего человека в русской армии 1812 года, князя Петра Ивановича Багратиона. Многие положения, описанные в ней для начала 19 века, не утратили своего значения и по сей день... Столь же значимой для меня стала книга «СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА В СЕВЕРНОМ КРАЕ», в создании которой мне помогли Анна Андреева и Галина Чецкая. Эта книга о человеке, который связал свою жизнь с Богом и хирургией, служение которой посвятил Господу. Страдая из-за этого всю свою жизнь, Святитель, тем не менее, сумел стать не только выдающимся архиереем Русской Православной церкви, но и выдающимся хирургом. И, по нашему мнению, его северная ссылка сыграла в этом немалую роль...

О Научном центре имени Бакулева: Здесь я впервые профессионально занялся историей медицины. Моей первой большой работой стала монография о Сергее Алексеевиче Колесникове – ровеснике 20 века, советском интеллигенте сталинской эпохи, третьем директоре Бакулевского центра. В книжке «СЕРГЕЙ КОЛЕСНИКОВ: СУДЬБА ХИРУРГА» описан удивительный жизненный путь этого человека. Из «князей» – а в годы войны он был первым заместителем наркома здравоохранения и председателем Советского Красного Креста – советская политическая система уложила его лицом прямо «в грязь». Но семь лет лагерей не сломили большого хирурга и учёного. После освобождения Колесников рассказывал, что того признания и уважения, что он имел «на зоне», у него не было ни до, ни после «посадки». В день своего освобождения, в лагере, он сделал операцию на лёгких, после чего направился к воротам по «живому коридору» из 10000 зеков, которые благодарили его за человечность и профессиональное мастерство. Освободившись, всего за шесть лет Сергей Алексеевич сумел подняться «вверх по лестнице, идущей вниз» – став лидером кардиохирургов нашей страны. Удивительное восхождение! Также назову написанные в соавторстве с выдающимися российскими хирургами «ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОРОНАРНОЙ ХИРУРГИИ» и «УЧЕНИЕ О ВРОЖДЕННЫХ ПОРОКАХ СЕРДЦА». Без ложной скромности скажу: эти книги не имеют аналогов в мировой литературе. И прочтёте их, как и другие мои книжки, можно в Библиотеке имени Н.А. Добролюбова.

Об отце: И в заключении несколько слов об очень дорогой для меня книге, вышедшей совсем недавно. Её название взято из книги «Мальчики с бантиками» Валентина Саввича Пикуля, который, кстати, учился в морском полужукаже в Соломбале и закончил Школу юнг на Соловках. Книга называется «ФЛОТ БАЛЛАСТА НЕ ТЕРПИТ...» и посвящена моему отцу, старшему мичману Павлу Петровичу Глянцеву, прослужившему на флоте больше, чем кто-либо – 44 года! Даже старшие офицеры и адмиралы служат меньше. Этой книгой я исполнил свой сыновний долг перед отцом и мамой...

А закончить свой монолог «об искусстве вычёркивать» я хочу стихотворением, написанным под впечатлением «Ночи» моего любимого Бориса Леонидовича Пастернака:

*В каком краю – не знаю,
уже который век
к столешнице упрямо
склонился человек.*

*Он пишет и черкает
строку. Всего одну.
Он лет не замечает
у времени в плену.*

*И буквы, словно выстрел,
не требуют труда...
Но почему так быстро
седает борода?*

*И можно ль ставить точку,
Коль силы есть пока?
И вновь всё ту же строчку
ведёт его рука...*

*Минуют благосклонно
эпохи и года.
Сияет с небосклона
полночная звезда.*

*Жуёт он корку хлеба
и крепкий кофе пьёт...
Чтоб оправдать на Небо
стремительный уход.*

От себя: «Мы будем жить ровно столько, сколько будут жить люди, помнящие нас, или книги, в которых о нас кто-то что-то и когда-то напишет. А поскольку, как известно, книги, как и рукописи, горят очень плохо, поэтому, чем больше о человеке будет написано, тем он дольше будет жить на этой земле. Жить – пока жива память о нём в сердцах других людей и их книгах...»

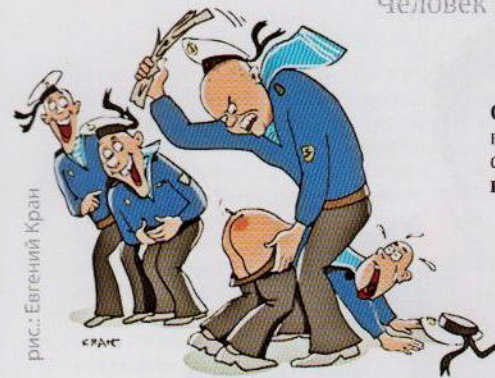


рис.: Евгений Кран

Сергей Глянецев, рассказ из цикла «Записки судового врача», история, рассказанная начальником радиостанции теплохода «Ветлугалес» Валерием Плечёвым, неутомимым «травильщиком» морских баек:

Игла

– Вот ты скажи, док, чтобы делать уколы, нужно образование? – начальник зашёл ко мне в каюту и сел на диван. По его лукавой физиономии я видел, что у него – отличное настроение, и ждал подвоха.

– А как же, – говорю, – конечно. Надо знать, как колоть, куда, что и главное – зачем.

– А я тебе говорю: никакого образования не нужно! А нужна смекалка. Хочешь, расскажу?

– Валей!

– Ну, слушай, – начальник уселся поудобнее. – Заходит как-то раз ко мне на вахту второй радист. А рожа – кислая, как будто выпил касторки и закусил лимоном.

– Ты чего, Витька? – спрашиваю его.

– Да вот, с конца капают. Уже который день!

– Чё, словил что ли?

– Словил...

– Ладно, не горюй! – говорю (а врача у нас на судне не было). – Я умею делать уколы. Один вколем, и всё будет «вери болт»!

Взяли мы с Витькой у старпома ключи от амбулатории, нашли шприц, ампулу новокаина, бициллин. Второй видит, что я уверенно всё делаю, и успокаивается. Веселеет даже.

Вскипятили шприц. Я его собрал, надел иглу, развел препарат, набрал пять кубов и смочил ватку спиртом.

– Ну, – говорю, – Витька, снимай штаны!

Витька с готовностью лёг на кушетку. А тут, как на грех (двери-то в амбулатории мы не закрыли), у входа столпились народ и смотрит на нас, подкалывая и посмеиваясь:

– Шприц-то взял бы поболее, начальник!

– Начальник, коли ему тройную дозу!

– Витька, расслабь ж..., игла сломается!

Ну, я под этот хор размахнулся и вколол. Аж вспотел. Надо признаться, что опыт уколов у меня к тому времени был невелик. Всего два или три раза делал, да и то – под присмотром врача. Но поит держу. И только хотел ввести лекарство, как вижу, а иглы-то на шприце нет! Есть капля крови на заднице, есть шприц, а иглы – нет! Что за чёрт?

А Витька хорохорится, храбрится:

– Давай скорее! Коли, едрёна мать!

– Витька, – шепчу я срывающимся шепотом, – не могу, игла-то вся в ж... ушла!

– Как вся? – не понял мой помощник.

– Да вот так, ушла и всё!

Несколько секунд – немая сцена. Затем раздался отборный Витькин мат:

– Говорил я тебе, мать твою, не умеешь – не берись! А то – умею, умею!.. – и кроет, и кроет. А сам чуть не плачет, представляя свою задницу с утерянной в ней иглой.

Зрители тоже заволновались. Посыпались советы:

– Надо бы ножиком разрезать...
– Свою режь! – огрызнулся Витька.
– Может, магнитом попробовать?
– А если другой иглой, как занозу?
– Нет, мужики, – раздался сочный бас боцмана.
– Надо так, как иглу от морского ежа вытаскивают, когда она в пятку попадает.

Со всех сторон:

– Как? Как?

Витька насторожился. А я, бледный и растерянный, сижу, как дурак, со шприцем в руке и не знаю, кого слушать.

– А так, – рассудительно сказал дракоша*, – берут доску и начинают колотить ею около иглы со всех сторон. Она и выходит!

Сказано – сделано. Отрядили плотника на камбуз за раздельной доской. Сей минут колобаха** возвращается. Улыбка во всю рожу, – доску тащит.

Витька шипит на меня:

– Уйди! Больше делать тебе ничего не дам! Дракон, давай ты!

Это нужно было видеть. Стоят серьёзные мужики вокруг одной голый задницы, а боцман увлеченно лупит Витьку по красной ягодице. У того аж слёзы текут...

Вдруг какой-то практикант, который тоже пришёл посмотреть, как будут доставать иглу, а весть об этом разнеслась по всему судну, как жаржёт. Стоит и ржёт, а сам на палубу показывает. Глянул я... и тоже заржал. Да вот же она, родимая! Видно, соскочила в момент укола!

Снова – немая сцена. А потом раздался такой дружный хохот, что прибежал даже вахтенный механик из машинного отделения, так затрясло паропровод. Но громче всех смеялся второй радист. Ведь он избавился от позорной, и как выяснилось, напрасной экзекуции.

Укол я ему всё же сделал, и канать вроде бы перестало. А вскоре мы пришли в совпорт, и счастливый Витька ушёл в отпуск за новыми приключениями. Вот так, док... А ты говоришь – образование!

* Боцмана на торговых судах СМП ласково называют «дракоша»; ** Жаргонное название плотника.